

 ПРАВОСУДИЕ
И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-402-409

ДОРСКАЯ Александра Андреевна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
профессор кафедры международного права
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»,
SPIN-код: 9965-3211, AuthorID: 314268
e-mail: adorskaya@yandex.ru

ЦЫБА Лада Сергеевна,
студентка 4 курса бакалавриата
факультета подготовки специалистов
для судебной системы (юридического факультета)
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: ladatsyba@yandex.ru

**ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ СУДЫ КАК СПОСОБ БОРЬБЫ
С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТЕРРОРИЗМОМ**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы создания и функционирования военно-полевых судов как способа борьбы с революционным терроризмом. На исторических примерах показаны проблемы злоупотребления со стороны местных администраций, которые привели к искажению первоначального содержания нормативных актов, регламентирующих деятельность военно-полевых судов. На примере различных дел показано превышение полномочий военно-полевых судов, что приводило к неизбежному вынесению смертных приговоров в отношении подсудимых. Сделан вывод о том, что практика создания подобных судов, ранее имевшая место, не совместима с законностью.

Ключевые слова: военно-полевые суды, революционный терроризм, террор, криминальная обстановка, приговор, законность.

DORSKAYA Aleksandra Andreevna,
Doctor in Law, Professor,
Head of the Department of Theoretical Legal Disciplines
of North-West branch of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev,
Professor at the Department of International Law
of Herzen University

CYBA Lada Sergeevna,
4th year bachelor's student
of the faculty of training specialists
for the judicial system (law faculty)
of the North-West branch of the Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev

PROTECTION OF MEDICAL UNITS DURING ARMED CONFLICTS: CHALLENGES TO EFFECTIVE LAW ENFORCEMENT

Annotation. *The article discusses the creation and functioning of military field courts as a way to combat revolutionary terrorism. Historical examples show the problems of abuse by local administrations, which led to a distortion of the original content of the regulations governing the activities of military field courts. The examples of various cases show the exceeding of the powers of the military field courts, which led to the inevitable imposition of death sentences against the defendants. It is concluded that the practice of creating such courts, which previously took place, is incompatible with legality.*

Key words: *military field trials, revolutionary terrorism, terror, criminal situation, sentence, legality.*

Российская империя в период конца XIX – начала XX века представляла собой сложный социально-политический организм, в котором переплетались экономические, социальные, национальные и политические противоречия, оказывавшие значительное влияние на ее развитие и функционирование.

Экономическое отставание Российской империи было обусловлено многоукладностью экономической системы, сохранением феодально-бюрократических методов управления государственными ресурсами, а также высокой степенью зависимости от экспорта зерновых культур и притока иностранных капиталовложений.

Отсутствие трудового законодательства и недостаточная социальная защита работников способствовали обострению социальных проблем. Тяжелые условия труда, низкая заработная плата и отсутствие законодательно закрепленных прав и гарантий для трудящихся стали одними из ключевых факторов социальной напряженности.

Национальный вопрос в Российской империи выражался в форме политического бесправия этнических меньшинств, отсутствии демократических свобод и их эксплуатации, что способствовало росту национального самосознания и формированию сепаратистских настроений.

Политическая система Российской империи находилась в состоянии глубокого кризиса, вызванного противостоянием между самодержавной властью и обществом, а также отсутствием буржуазно-демократических институтов и политических свобод.

Монарх, как носитель верховной власти, оказывал значительное влияние на принятие как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических решений органами государственного управления. Общество ожидало ограничения полномочий самодержца и трансформации Российской империи в конституционную монархию, однако этим ожиданиям не суждено было реализоваться. Взойдя на престол, Николай II заявил о намерении защищать основы самодержавия так же твердо и неуклонно, как его незабвенный отец.

Недовольство российской интеллигенции политикой царского правительства было обусловлено отсутствием свободы самовыражения и политических прав, а также практически полным ограничением возможностей для легальной общественно-политической деятельности [8, с. 75].

Правительственные репрессии, уголовное и административное преследование инакомыслия лишь обостряли и без того напряженные отношения между государством и обществом и способствовали эскалации конфликта – при отсутствии мощных рычагов давления на власть все более и более привлекательными казались идеи о необходимости отвечать на репрессии террором.

К началу XX в. в России уже существовала сильная террористическая традиция. Дискуссии о терроре в среде русской интеллигенции шли, начиная с 1860-х гг., когда П.Г. Заичневский опубликовал прокламацию «Молодая Россия», а Д.В. Каракозов совершил покушение на Александра II 4 апреля 1866 г.

Началом эпохи революционного терроризма в России XX в. является убийство министра народного просвещения Н.П. Боголепова в 1901 г. бывшим студентом Карповичем. Боголепова считали ответственным за репрессивную политику в отношении студентов, поскольку в 1899-1901 гг. прошла целая серия студенческих сходов и демонстраций. В январе 1901 г. по решению министра в солдаты было отдано 183 студента.

Следующими и наиболее громкими стали убийства двух министров внутренних дел – Д.С. Сипягина эсером Балмашевым в 1902 г. и В.К. Плеве эсером Созоновым в 1904 г., а в 1905 г. жертвой террористов стал московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович.

Реакция общества показала, что террор стал пользоваться поддержкой. Как отмечал немецкий историк М. Хильдермайер, террористы добиваются большего успеха, если им удастся заручиться пусть небольшой практической, но зато широкой моральной поддержкой в уже нестабильном обществе [15, с. 84].

Принятие и одобрение террористических актов, совершенных в отношении Боголепова и Сипягина, обществом явилось «красноречивым симптомом полного морального крушения правительства и его политики» [4, с. 41].

О чувстве радости, возникшем после гибели Плеве, подробно написала В. Тыркова-Вильямс, журналист и будущий член ЦК партии кадетов: «И потом непосредственное чувство радости. Убит. Нет его, чиновника-деспота, топтавшего и давившего все живое и желающее жить... Пришел смельчак-герой и снял с несчастной задавленной родины гнет. А мы безопасно рукоплещем» [11, с. 66].

О «большом и притом радостном эффекте», вызванном убийством великого князя, в дневнике пишет публицист и литератор либерального толка С.Р. Минцлов: «Петербуржцы не только радуются, но и поздравляют друг друга с этим убийством». Причиной подобной радости Минцлов называет «славную репутацию покойника» [7, с. 117].

Ухудшение криминогенной обстановки в результате начала революции в январе 1905 г. и подготовка Боевой организацией (далее также – БО) важнейших политических убийств привели к тому, что начался лавинообразный, стихийный массовый приток людей в партию эсеров, в том числе радикально настроенных лиц, которых особенно привлекал террор. С конца 1905 г. начинается такой же лавинообразный и стихийный процесс формирования местных боевых дружин.

Современный исследователь К.Н. Морозов, ссылаясь на статистику эсеровских террористических актов, делает вывод о том, что их абсолютное большинство пришлось как раз на местные боевые дружины, а не на БО [9, с. 332-333]. Террор перестал быть делом «центрального» значения – он стал мельчать и перешел из рук БО в руки местных боевых организаций [5, с. 44].

К концу 1905-1906 гг. относится подъем анархистского террора, в том числе «безмотивного». Его целью была борьба с буржуазным обществом, поэтому жертвами становились посетители кафе и ресторанов, театров и других «буржуазных публичных мест».

Первая русская революция привела к появлению тех, кого А. Гейфман вслед за Струве назвала «революционерами нового типа» [3, с. 9], представлявшими собой смесь революционера с уголовником. Используя названия больших политических партий, «новые» революционеры, оправдывали насилие, грабеж и убийства во имя своих частных интересов.

В условиях нарастающей эскалации террористической угрозы приоритетной задачей правительства стало формирование эффективной системы противодействия экстремизму.

В годы революции Совет министров активно использовал Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, изданное 14 августа 1881 года. Во многих губерниях вводились особые меры управления, установленные Положением.

В «Мемории», утвержденной царем и принявшей форму Указа «О временных мерах по усилению следственной части», предлагалось сократить время производства уголовных дел, «имеющих ныне особую важность: о государственных преступлениях, аграрных посягательствах, проступках печати и т. д.» [14, с. 447].

15 августа 1906 года прошло заседание Совета министров, и 16 августа был издан «предупредительный» циркуляр, в котором указывалось на твердость кабинета. «Участившиеся в последнее время террористические посягательства на жизнь должностных лиц совершаются в надежде, что последние, поддавшись чувству страха, ослабят свою деятельность в защиту закона и общества от посягательств и по исполнению предначертаний высшей власти. Совет министров уверен, что все представители правительства и общественной власти, сознавая вместе с населением всю пагубность и бесцельность упомянутых преступлений, докажут своей непоколебимостью и решительности в исполнении служебных обязанностей, что никакие угрозы не могут повлиять на преданности их престолу и закону, а равно на готовность исполнять свой долг до конца» [13, с. 3-4].

Одновременно с этим Министерство внутренних дел запросило у начальников губерний информацию о положении дел. Между министерствами внутренних дел и военным завязалась усиленная переписка. В этот момент был утвержден смертный приговор семнадцати лицам за Свеаборгское восстание, и газетные столбцы наполнились правительственным сообщением и текстом нового закона о военно-полевых судах.

Вопрос о военно-полевых судах обсуждался в Совете министров 17 и 19 августа 1906 года. 19 августа Совет министров постановил: «На основании ст. 87-й Основных государственных законов в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны, предавать обвиняемых, если преступление не требует расследования, военно-полевому суду по законам военного времени» [13, с. 3-4].

Военно-полевые суды действовали в течение всего период между роспуском Первой Государственной думы (8 июля 1906 г.) и созывом Второй (20 февраля 1907 г.).

Изданные 23 августа 1906 года «Правила о военно-полевом суде» отличаются лаконичностью стиля и краткостью. При анализе указанных

норм следует, что, несмотря на нахождение военно-полевых судов в ведении департамента полиции, вопросы о направлении дела для рассмотрения ими в связи с очевидностью совершенного преступления решались главнокомандующими, командующими армиями, командующими войсками в военном округе и лицами, пользовавшимися с ними равной властью, не имевшими никакого отношения к департаменту полиции.

Вопрос о виновности задержанного заранее предreshался приказом лица, формирующего военно-полевой суд. Председателями суда обычно были генералы или штаб-офицеры, членами суда могли быть офицеры низших чинов вплоть до поручиков. Согласно специальному разъяснению главного военного прокурора, членами военно-полевых судов ни в коем случае не могли быть лица из чинов военно-судебного ведомства [13, с. 5-6].

Местные власти, в лице генерал-губернаторов, самостоятельно дополняя изданные Правила о военно-полевых судах, отдавали компетенции этих судов все уголовные и гражданские кодексы. Военно-полевым судом судили не только за террор и разбой, но и за обыкновенный грабеж, за участие в стачках, за порчу военного снаряжения, телеграфа и железных дорог, за призыв к стачке, за распространение прокламаций, за неуважение к чиновникам, за вторжение в чужие жилища и прочие преступления. Наказание смертной казнью стало применяться за то, что раньше наказывалось арестом в полицейском участке или денежным штрафом.

Правила сразу получили широкое применение, и все их неточности, неопределенность и пробелы были устранены распоряжениями местных властей.

Первым был Одесский генерал-губернатор, который 29 августа 1906 года издал обязательные постановления в форме приказа. В нем были приведены деяния, наказывавшиеся смертной казнью по приговору военно-полевых судов, среди них: вооруженное сопротивление властям, нападение на чинов войск, полиции и всех должностных лиц при исполнении ими обязанностей службы, убийство, изнасилование, разбой, грабеж, поджог. Самые обычные преступления в Одессе были подсудны военно-полевым судам.

В течение полутора месяцев местная власть позволяла себе искажать и усиливать законы. Но только когда ее злоупотребления стали очевидными, а пресса выступила с протестом в отношении местных начальников, последовала реакция Совета министров. 12 октября 1906 года появился Циркуляр об упорядочении военной юстиции, разъяснивший, что военно-полевым судам могут быть подсудны только лица, учинившие убийства,

разбой, грабеж, нападение на часового или военный караул, вооруженное сопротивление властям, нападение на чинов войск и полиции, и на всех должностных лиц, изготовление, приобретение, хранение и сбыт взрывчатых веществ или снарядов.

Анализ статистических данных о делах, рассмотренных военно-полевыми судами, показывает, что в большинстве случаев совершенные преступные деяния относились к числу представлявших максимальную общественную опасность (сопротивление, нападения на полицию и патруль, грабежи, разбои, хранение взрывчатых веществ, поджоги, разгромы, нападение на различные присутственные места, банки, покушение на убийство, нанесение ран). Однако, при детальном рассмотрении конкретных дел становится ясно, что на самом деле случаи тяжких преступных деяний были крайне редкими.

Имущественные преступления в агентских телеграммах часто характеризовались терминами «грабитель», «известный вор», «разбойник». Эти данные не позволяют судить о самом преступном деянии, но при отсутствии юридического образования у строевых судей, при отсутствии обвинительного материала, при сложности юридической терминологии имущественных преступлений самая простая кража могла подводиться под понятие грабежа, разбоя, насильственного отбирания имущества, разбойного нападения.

Убийства также сравнительно редки. В большинстве случаев обвинения квалифицируются лишь как покушение на убийство. Сущность этого деяния аналогична вопросу сопротивления полиции - показания сыщика или полицейского об угрозе убийством являлись достаточными для предъявления обвинения задержанному.

Говоря о преступлениях, нельзя не коснуться вопроса о требовании закона о незамедлительном рассмотрении дела военно-полевым судом. На этом требовании настаивал Совет министров, соответственно, оно должно было бы строго соблюдаться. На деле же нарушение сроков судопроизводства допускалось на регулярной основе.

Так, например, военно-полевой суд в Ревеле судил Харьковица, совершившего покушение на жизнь городского еще 14 июля 1906 г., только 21 сентября 1906 г. Аналогичным примером является суд над Штромбергом в Митаве, состоявшийся 12 октября 1906 г., за нападение на драгун в декабре 1905 г. [13, с. 14].

Таким образом, злоупотребления со стороны местных администраций привели к искажению первоначального содержания нормативных актов, регламентирующих деятельность военно-полевых судов. Военно-полевые суды, вопреки установленным правовым нормам, рассматри-

вали дела, выходящие за рамки их юрисдикции, что приводило к неизбежному вынесению смертных приговоров в отношении подсудимых.

Неправомерные и несправедливые решения военно-полевых судов усугубили кризис доверия между государственной властью и обществом, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему ухудшению социально-политической обстановки.

Судебное разбирательство в военно-полевом суде характеризовалось рядом процессуальных особенностей.

Рассмотрение дела по существу происходило «при закрытых дверях присутствия». Заседания военно-полевых судов проходили в тюремных конторах, крепостях, полковых канцеляриях, арестных помещениях при полиции - ближе к месту нахождения преступника. Имели место судебные заседания полевых судов в прямом смысле этого слова, то есть под открытым небом.

Отсутствовало предварительное и судебное следствие. Обвинительного акта по делу не составлялось, ознакомление с ним подсудимого не производилось. Обвинительный акт заменялся приказом о предании суду, который оглашался подсудимому на самом заседании. До этого момента существо обвинения подсудимому было неизвестно.

После оглашения обвинения председательствующий задавал подсудимому обычные вопросы анкетного порядка и спрашивал, признает ли подсудимый себя виновным. Далее зачитывался список свидетелей, показания которых представлялись суду существенными и необходимыми для «правильного решения дела». По большей части свидетелями были полицейские, филеры охранного отделения и дворники. Подсудимому предоставлялась право ходатайствовать о вызове для допроса других свидетелей, не упомянутых в списке. В большинстве случаев суд признавал вызов дополнительных свидетелей «не требующимся по сути дела» [10, с. 21-23].

Далее суд переходил к допросу свидетелей и экспертов, если существовала такая необходимость, после чего исследовались письменные доказательства, документы.

Состязательности сторон и, соответственно, прений сторон не происходило, адвокаты и прокуроры в военно-полевых судах отсутствовали.

Приведенные особенности являются яркими примерами нарушения права подсудимого на защиту. В большинстве случаев через несколько минут после начала заседания оглашался приговор, обычно писавшийся в следующей форме:

«Приговор военно-полевого суда

1906 года ... месяца ... дня учрежденный в городе ... приказом командующего войсками воен-

но-полевой суд в составе (перечисление чинов) рассмотрел дело о таком-то, преданном военно-полевому суду приказом по войскам ... военного округа от числа, месяца за № ... по обвинению в преступных деяниях, предусмотренных в ст.ст. ... Основываясь на свидетельских показаниях и имеющийся в деле переписки, военно-полевой суд признал подсудимого виновным в том, что (излагается суть преступления), а потому, руководствуясь высочайшим повелением от 19 августа 1906 года и на основании ст.ст. ..., постановил: подсудимого ... по лишении всех прав состояния подвергнуть смертной казни через повешение.

Председатель (чин)
Члены (чины)» [10, с. 23].

Приговоры военно-полевых судов излагались в окончательной форме и объявлялись на том же заседании, не подлежали обжалованию и незамедлительно вступали в силу. Исполнение приговора производилось по распоряжению воинского начальника, формировавшего суд, в ночь, следовавшую за судебным присутствием. Как и требовалось в Правилах о военно-полевых судах, преступление, суд и казнь происходили в течение одних суток.

Из наказаний, применявшихся полевыми судами, основным была смертная казнь, хотя подобных требований не существовало. Законодательство упоминало о «подлежащих случаях», когда именно уголовный закон требовал смертной казни и не допускал меньших наказаний. Соответственно, полевая юстиция могла применять иные виды наказаний, например, каторжные работы, бессрочные и временные ссылки в поселения, тюремные заключения, но они широкого распространения не получили и применялись в крайне редких случаях.

Смертная казнь приводилась в исполнение в форме повешения и расстрела. Установить их количественное соотношение не представляется возможным, однако известно, что часто не находилось компетентных палачей, из-за чего власти прибегали к расстрелу. Повешение по военно-уголовному кодексу считалось менее почетным видом смертной казни и назначалось в случаях совершения корыстных преступлений.

При исполнении приговоров военно-полевых судов не столько руководствовались почетностью или позорностью казни, сколько интересами высокой скорости приведения приговора в исполнение, а также простотой и удобством расстрелов. При повешении требовались особые приготовления и мастерство палача, иногда замедлявшие течение правосудия.

Ввиду отсутствия у судей военно-полевых судов юридического образования, ими нередко совершались непростительные ошибки, которые оказывались роковыми для подсудимых.

В деле Мазурина и Андреева выяснилось полная непричастность Андреева к деянию Мазурина, но Андреев на суде заявил о своей причастности к Боевой организации партии социалистов-революционеров. Московский полевой суд в таких условиях поступил очень оригинально: прежде всего он оправдал Андреева по вопросу участия с Мазуриным, затем признал его виновным в принадлежности к боевой организации, но приговора за это не вынес, а передал его в распоряжение администрации. Последняя в административном же порядке подвергла Андреева за ношение револьвера трехмесячному аресту при полиции, а за принадлежность к сообществу Андреев поступил в ведение гражданской юстиции.

Аналогичный в случае имел место в Москве 14 ноября при рассмотрении дела братьев Романенко. Один из них был приговорен к повешению, дело другого брата было выделено и передано общему суду [13, с. 18-19].

Данные решения являлись грубыми нарушениями закона, поскольку при оправдании подсудимый должен был выйти на свободу, приговор вступил в силу, и дело не могло идти на дальнейшее доследование.

Точно также в Москве 28 ноября в 2:00 ночи военно-полевой суд вынес приговор, по которому четверо подсудимых, братья Тараканниковы и братья Котловы, обвинявшиеся в нападении в Павловском посаде на городского и нанесение ему тяжких ран, были приговорены к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы без срока. В тот же день, 28 ноября, командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант Гершельман передал дело на вторичное рассмотрение военно-полевого суда в новом составе, найдя в нем допущенные военно-полевым судом процессуальные нарушения. Так, в приговоре суда не было сказано, в чем он признал всех четырех подсудимых виновными и на основании какой статьи закона приговорил их вместо смертной казни к бессрочной каторге. Вечером 28 ноября состоялся военно-полевой суд, который вновь рассмотрел дело и признал братьев Котловых и братьев Тараканниковых виновными в убийстве городского, и приговорил к лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение. 29 ноября на рассвете приговор военно-полевого суда над всеми четырьмя осужденными был приведен в исполнение, и смертная казнь приговоренных сначала лишь к каторжным работам совершилась [13, с. 19].

Не менее характерно и распоряжение администрации по делу о нападении в Петербурге в Фонарном переулке. Как известно, часть захваченных по делу 14 октября была предана полемому суду, часть – военно-окружному, часть – общему суду. Если все участники данного деяния были виновны в событиях, то по закону все они подлежали одному и тому же суду, но администрация рассудила иначе. Она придала тех, чье участие несомненно и очевидно, полемому суду, а над остальными учредила общий военный суд [13, с. 20-21].

Процессуальные нарушения очевидны. Если выяснялось участие в событии целой группы лиц, из которых одни – несомненные, а другие – сомнительные участники, то все дело не представлялось настолько очевидным и простым, чтобы быть рассмотренным в военно-полевым суде, и частичное постановление приговора и приведение приговора в исполнение явно противоречило закону.

В итоге только с 31 августа 1906 г. по 31 января 1907 г. военно-полевые суды приговорили к казни в городах: Риге – 61 человека, Екатеринославле – 38; в Кельцах – 28; в Москве – 19, в Кронштадте – 17; в Тифлисе – 13; в Одессе – 11; Митаве – 11. Число дел, рассматривавшихся военно-полевыми судами в порядке чрезвычайной подсудности, резко возросло. Если в 1902 г. их было 15, в 1903 – 43, в 1904 – 18, в 1905 – 308, в 1906 – 4698, в 1907 г. – 4335 [6, с. 146].

За полгода военно-полевые суды рассмотрели свыше 1100 дел о подсудимых, из которых 52 человека оправдано, 85 лиц приговорено к наказаниям лишением свободы, к смертной казни приговорено 950 человек [13, с. 38-39].

Таким образом, комплекс процессуальных особенностей, присущих деятельности военно-полевых судов, полностью лишал обвиняемых права на защиту и лишь способствовал проявлению судебного произвола.

Проведенный анализ показывает, что основной проблемой деятельности военно-полевых судов было несоответствие действительности нормативно-правовому акту, регулировавшему их деятельность.

Превышение полномочий местной властью в части самовольного расширения подсудности военно-полевых судов привело к тому, что большое количество рассмотренных дел не соответствовало заявленному составу, являясь правонарушениями, не относящимися к подсудности военно-полевых судов, а назначенные наказания не соответствовали тяжести совершенных деяний. Упрощение порядка судебного разбирательства и непрофессионализм суда нарушали право

на защиту подсудимого, повлекли значительное количество судебных ошибок и необоснованное применение высшей меры наказания.

После начала работы II Государственной Думы в феврале 1907 года вопрос об отмене военно-полевых судов стал активно обсуждаться. П.А. Столыпин потребовал от Думы, согласно закону, месячный срок на рассмотрение по существу думского законопроекта. На заседании 17 апреля законопроект об отмене военно-полевых судов был принят Думой большинством голосов. Военно-полевые суды были отменены.

При рассмотрении законопроекта Государственной думой был выдвинут вопрос о необходимости пересмотра в общесудебном порядке дел тех лиц, которые судились военно-полевыми судами и, по счастливой случайности, не были приговорены к смертной казни. Дума приняла этот пункт, но он не был проведен в жизнь, так как Государственный совет, сославшись на отмену военно-полевых судов, не согласился на пересмотр дел.

Военно-полевые суды не справились со своей задачей. Отношения между обществом и государством еще больше накалились. Спад террористической активности современные историки объясняют иными причинами, такими как создание законодательной Государственной Думы, изменение общественного восприятия – в 1906 г. сочувствие террористам сменилось страхом и отторжением [1, с. 131], поскольку жертвами террора становились не реакционные министры, полицейские и жандармские начальники, а обычные люди, не повинные в преступлениях самодержавия, а также его дискредитация связью с провокацией, в особенности после раскрытия провокации Е.Ф. Азефа.

Один из создателей военно-полевых судов – П.А. Столыпин – сам пал жертвой покушения анархиста Д.Г. Богрова, а причиной произошедшей в дальнейшем революции стало обострение существовавших противоречий после начала Первой мировой войны.

Законодатель при формировании правового регулирования деятельности судебной власти Российской Федерации учел опыт функционирования военно-полевых судов. Часть 3 статьи 118 Конституции Российской Федерации устанавливает запрет на учреждение чрезвычайных судебных органов. Практика создания подобных судов, ранее имевшая место, не совместима с законностью. Чрезвычайные суды игнорировали демократические принципы организации судопроизводства. Их деятельность не имела ничего общего с правосудием.

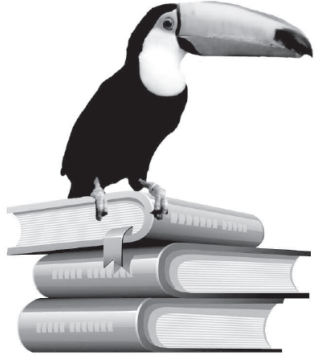
Список литературы:

- [1] Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – XX в.) / О. В. Будницкий. – М.: РОССПЭН, 2016. – 383 с.
- [2] Военно-полевые суды Российской империи в 1906-1907 гг.: (историко-правовой анализ): монография / А. А. Бакин [и др.]; Санкт-Петербургский военный ин-т внутренних войск МВД России. – СПб: Астерион, 2011. – 136 с.
- [3] Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917 / А. Гейфман. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 448 с.
- [4] Журнал Освобождение (1902-1905): в 3 кн. Кн. 1. / под редакцией М. А. Колерова и Ф. А. Гайды. 1904-1905. – М.: Модест Колеров, 2021. – 557 с.
- [5] Кан Г. С. Грозь бедой преступной силе...: Летучий боевой отряд Северной области (1906-1908): в 2 томах. Т. 1: Идеология. События. Люди. / Г. С. Кан. – СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2021. – 680 с.
- [6] Королева Н. Г. Первая российская революция и царизм: Совет министров России в 1905-1907 гг. / Н. Г. Королева. – М.: Наука, 1982. – 184 с.
- [7] Минцлов С. Р. Петербург в 1903-1910 годах / С.Р. Минцлов. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 217 с.
- [8] Морозов К. Н. Борис Савинков: опыт научной биографии / К.Н. Морозов. – СПб: Нестор-История, 2022. – 768 с.
- [9] Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг./ К. Н. Морозов. – М.: РОССПЭН, 1998. – 624 с.
- [10] Мурашко Л. И. ... По приказу его превосходительства (Военно-полевые суды)/ Л. И. Мурашко. – М.: Изд-во политкаторжан, 1932. – 48 с.
- [11] Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: дневники, письма / сост. Н.И. Канищева. – М.: РОССПЭН, 2012. – 1111 с.
- [12] Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905-1907 гг. / Н. Н. Полянский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 240 с.
- [13] Фалеев Н. И. Шесть месяцев военно-полевой юстиции: Очерк / Н. И. Фалеев. – СПб: А.И. Парамонова, 1907. – 39 с.
- [14] Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции / Е. Д. Черменский. – М.: Мысль, 1970. – 448 с.
- [15] Hildermeier M. The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia, 1900–14. In: Mommsen, W.J., Hirschfeld, G. Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-century Europe./ M. Hildermeier. – Palgrave Macmillan, London, 1982. – 380 p.

References:

- [1] Budnitsky, O. V. Terrorism in the Russian Liberation Movement: Ideology, Ethics, and Psychology (Second Half of the 19th – 20th Centuries) / O. V. Budnitsky. Moscow: ROSSPEN, 2016, 383 p.
- [2] Military Field Courts of the Russian Empire in 1906–1907: (Historical and Legal Analysis): Monograph / A. A. Bakin et al.; St. Petersburg Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg: Asterion, 2011, 136 p.
- [3] Geifman, A. Revolutionary Terror in Russia, 1894–1917 / A. Geifman. Moscow: KRON-PRESS, 1997, 448 p.
- [4] Osvobozhdenie Magazine (1902-1905): in 3 books. Book 1. / edited by M. A. Kolerov and F. A. Gaida. 1904-1905. – Moscow: Modest Kolerov, 2021. – 557 p.
- [5] Kan G. S. Threatening the Criminal Force with Misfortune....: Flying Combat Detachment of the Northern Region (1906-1908): in 2 volumes. Vol. 1: Ideology. Events. People. / G. S. Kan. – St. Petersburg: N. I. Novikov Publishing House, 2021. – 680 p.
- [6] Koroleva N. G. The First Russian Revolution and Tsarism: The Council of Ministers of Russia in 1905-1907 / N. G. Koroleva. – M.: Nauka, 1982. – 184 p.
- [7] Mintzlov S. R. Petersburg in 1903-1910 / S.R. Mintzlov. – M.: Yurait Publishing House, 2025. – 217 p.
- [8] Morozov K. N. Boris Savinkov: An Essay on a Scientific Biography / K.N. Morozov. – St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. – 768 p.
- [9] Morozov K. N. The Socialist-Revolutionary Party in 1907-1914 / K. N. Morozov. – M.: ROSSPEN, 1998. – 624 p.
- [10] Murashko L. I. ... By order of His Excellency (Military Field Courts) / L. I. Murashko. – M.: Political Prisoners' Publishing House, 1932. – 48 p.
- [11] The Legacy of Ariadna Vladimirovna Tyrkova: Diaries, Letters / compiled by N.I. Kanishcheva. – M.: ROSSPEN, 2012. – 1111 p.
- [12] Polyansky, N.N. Tsarist Military Courts in the Fight Against the Revolution of 1905-1907 / N.N. Polyansky. – M.: Moscow University Publishing House, 1958. – 240 p.
- [13] Faleev, N.I. Six Months of Military Field Justice: Essay / N.I. Faleev. – St. Petersburg: A.I. Paramonova, 1907. – 39 p.
- [14] Chermensky E. D. Bourgeoisie and Tsarism in the First Russian Revolution / E. D. Chermensky. – Moscow: Mysl, 1970. – 448 p.
- [15] Hildermeier M. The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia, 1900–14. In: Mommsen, W.J., Hirschfeld, G. Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-century Europe./ M. Hildermeier. – Palgrave Macmillan, London, 1982. – 380 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru